

К 556/435

К Р О К О Д И Л

№ 38-39 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXII

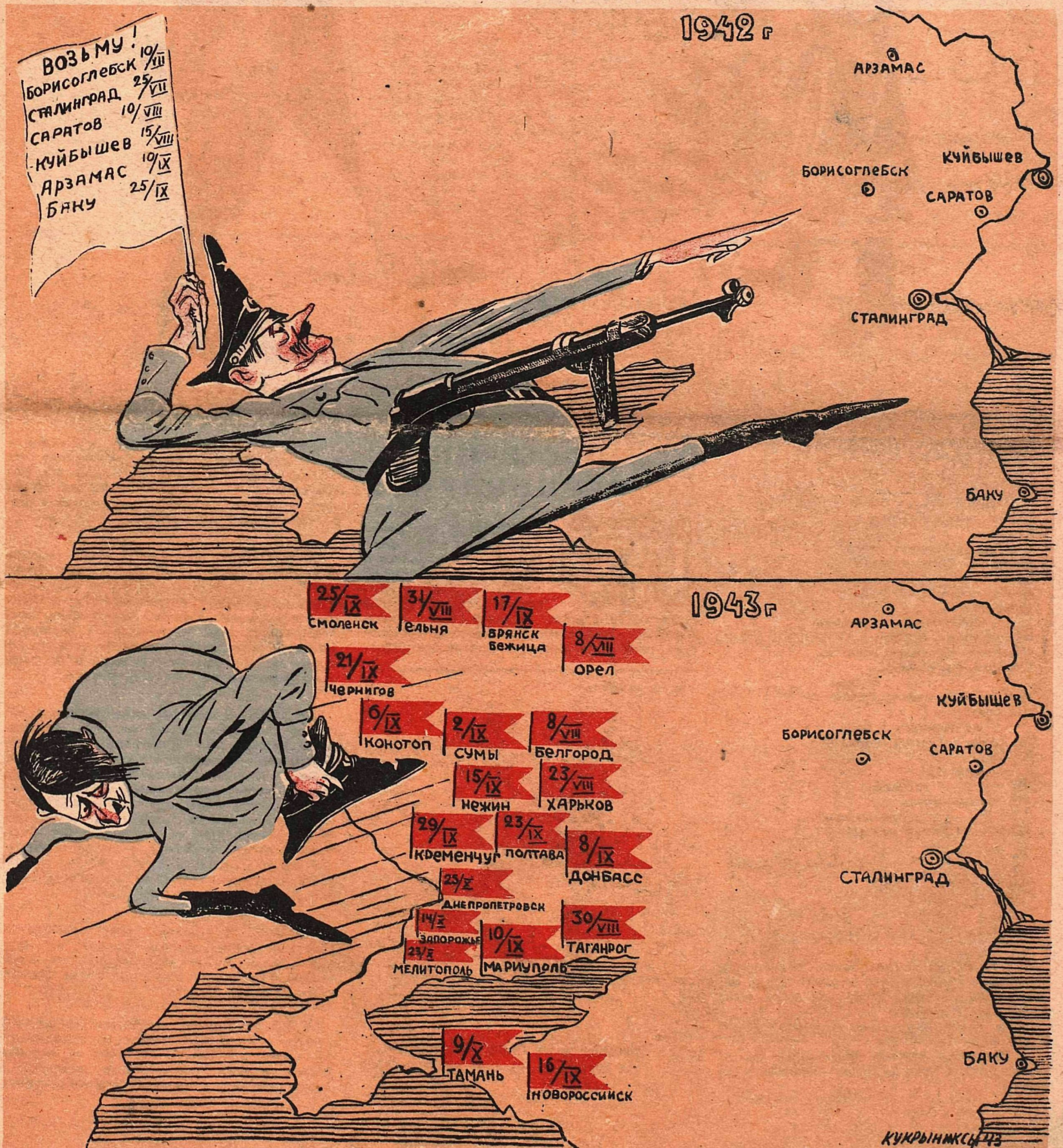
ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

НЕМЕЦ ПРЕДПОЛАГАЕТ...

«Недавно в руки наших людей попал один немецкий офицер германского генштаба. У этого офицера нашли карту с обозначением плана продвижения немецких войск по срокам. Из этого документа видно, что немцы намеревались быть в Борисоглебске 10 июля этого года, в Сталинграде — 25 июля, в Саратове — 10 августа, в Куйбышеве — 15 августа, в Арзамасе — 10 сентября, в Баку — 25 сентября».

(Из доклада товарища СТАЛИНА на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 года.)

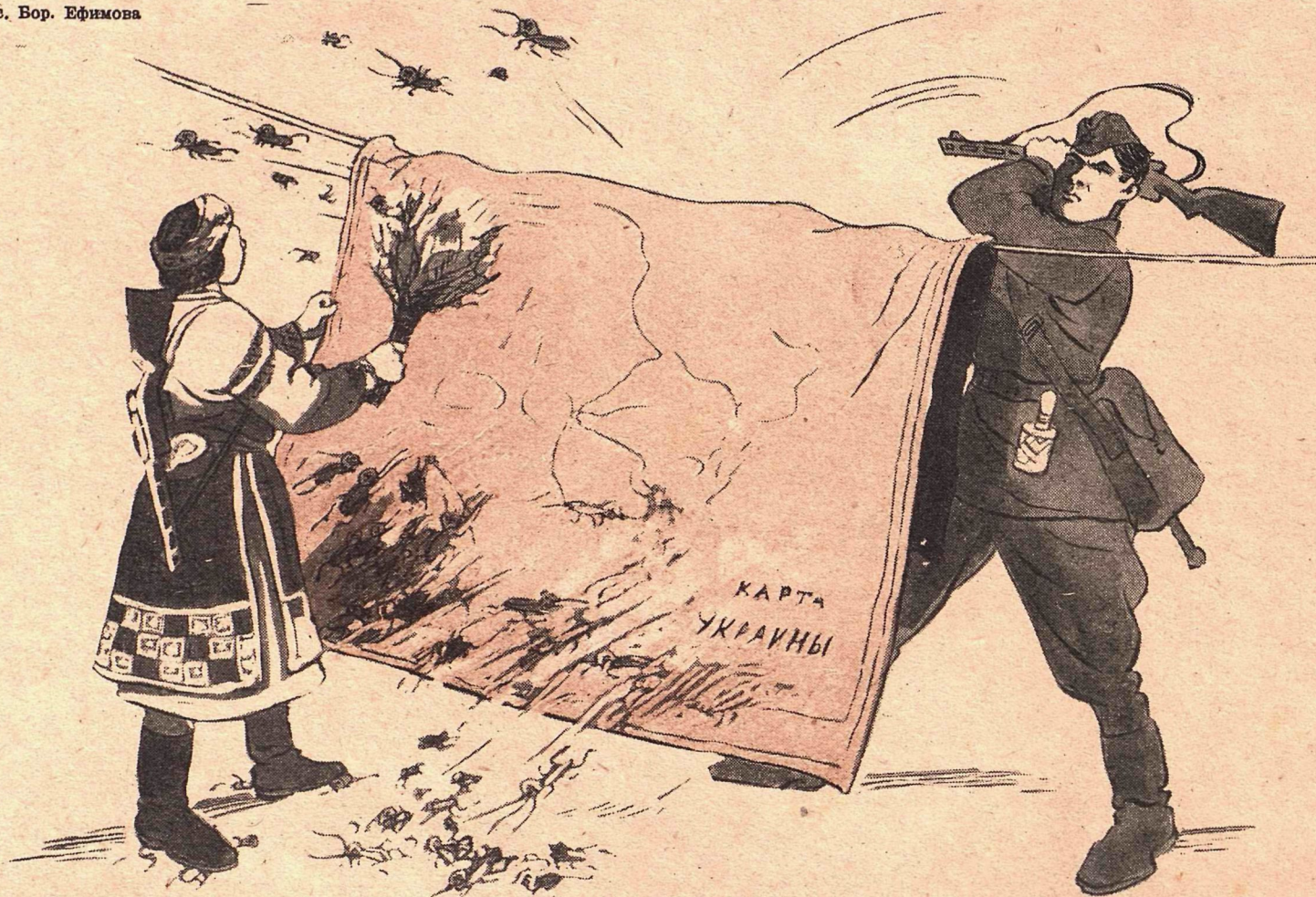
Рис. Кукрыниксы

...А РУССКИЙ РАСПОЛАГАЕТ.

КУКУРЫНИКСЫ 43

Рис. Вор. Ефимова

Выколачивание пруссаков.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Салют!
 Над столицей снова
 пожар золотого дождя.
 Сбылось
 справедливое слово,
 правдивое слово вождя!
 Созвездием отблесков разных
 простор поднебесья расцвел.
 Военный
 торжественный праздник
 на улицу нашу пришел.
 Мы гоним немецкую нечисть.
 Обратно, насильники!
 Прочь!
 Нет, русских нельзя онемечить,
 как утро
 не вырядить в ночь.
 Вы лезли в Россию нахрапом,
 забыв
 между тем,
 господа,
 что всякий нахрап
 только драпом
 кончался в России всегда.

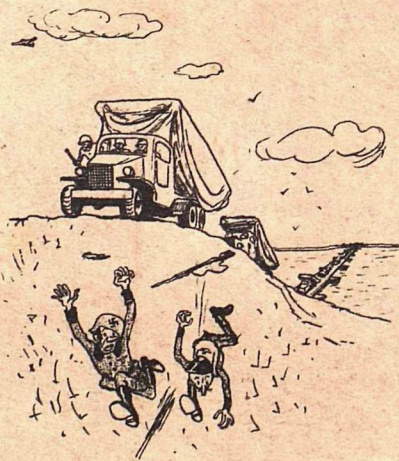
Сергей ВАСИЛЬЕВ

ОТ СОБСТВЕННОГО
 КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. Опубликована новая статья Геббельса, озаглавленная «Фюрер — хозяин своего слова». В этой статье, между прочим, говорится: «Как известно, Адольф Гитлер в своё время обещал уничтожить советское государство, разгромить Красную Армию, превратить

Рис. И. Семёнова

Выходила на берег «Катюша»...
 На высокий правый крутой берег Днепра!

Украину в германскую житницу, а Донбасс — во «второй Рур». Сейчас фюрер заявляет, что он никогда ничего подобного не заявлял. Вот неоспоримое доказательство того, что он является полным хозяином своего слова и распоряжается им, как хочет».

СТОКГОЛЬМ. Берлинское бюро погоды опубликовало прогноз погоды на зимнее время, из которого видно, что зима в этом году в Германии будет мало чем отличаться от лета. Многие иностранные военные обозреватели придерживаются того же мнения. А некоторые военные специалисты несогласны с этим: они полагают, что зима скорей всего будет ещё более «эластичной», чем лето и осень.

ДРЕЗДЕН. В местном географическом обществе состоялся доклад на тему «Особенности русских рек». Подчеркнув, что русские реки были чрезвычайно широки при форсировании их немцами с запада на восток и немедленно сузились при переправе русских с востока на запад, докладчик сказал: «Для примера остановимся на Десне...» Подумав немного, сказал: «Нет, на Десне не стоит. Остановимся лучше на Днепре...» Но после короткой паузы добавил: «Нет, и на Днепре не придётся остановиться. Вообще, как видно, остановиться нигде не удастся».

БЕРЛИН. В местных правительственных кругах с удовлетворением отмечают, что, верный заветам итало-германской дружбы, «правитель Италии» Муссолини «от имени Италии» объявил войну Италии.

ОСЛО. По словам очевидцев, «невидимый фронт» в Норвегии становится, повидимому, всё более видимым. И несмотря на видимые усилия видных квислинговцев диверсий и актов саботажа в Норвегии видимо-невидимо.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Дед Калистрат поймал немца, пытавшегося поджечь его хату, и стал от всего сердца молотить его дышлом. Вышла из избы жена Калистрата и говорит:
 — Ты ж его наполовину в землю загнал. Будет.
 — Жиночка, — ответил дед, — разве ты не знаешь, что я никогда ничего наполовину не делаю?

От Орла до Белгород-
 фронт «сокращал фронт»...

От Белгорода до Харькова фронт проводил «ластичную оборону»...

ВЫ ДУМАЕТЕ, это только вы справляете двадцать шестую годовщину? — спросил Фёдор Иванович, с удовольствием разглядывая у себя в стакане бледно-зелёную водку «Цитрусовую». — Вы — двадцать шестую, а мы, которые находились в оккупации, вроде как бы два года пропустили? Так вот же — никак нет! Ничего подобного. Мы те два раза тоже справляли. Первый раз, действительно, только в душе, а во второй так даже с внешними проявлениями.

Было это в двадцать пятую годовщину. Повидались мы накануне, четверо стариков, с детства друг дружке знакомых, и говорим: — Давайте вечером соберёмся у кого-нибудь и отпразднуем.

Кстати же, кроме праздника, и ещё причина была, чтобы собраться: один человек прибыл из лесу с большими новостями.

У кого же всё-таки собраться? Подумали, прикинули и решили: у Никиты: он и живёт бобылём и мужик запасливый. Вы поймёте до чего он запасливый, если я вам скажу, что, кроме там сушёных грибов, дикой малины и всякой такой всячины, он даже гроб себе запас. Ей богу! У него было такое соображение: прежде время в колхозе его бы схоронили честь по чести, с музыкой, а нынче, при немцах, и помереть каждый день можно очень даже просто и схоронят без уважения. Вот он и припас гроб загодя.

У этого-то Никиты мы и собрались. Только это мы взяли за столики с самогоном, а в дѣверь — стук! Да такой особенный! Не иначе староста — Змей Горыныч — проверять пошёл. Чего делать? А Никита, не будь глуп, тащит из угла свой гроб, ставит его на стол и сам в него лезет. А нам шепчет:

— Снедь-то всю, бутылку-то, пихайте ко мне в гроб!

Вошёл староста с двумя немцами. — Празднуете? — спрашивает. А мы отвечаем: — Побойся бога! Какой праздник, когда упокойник на столе!

Поглядел он. Лежит Никита бородёнкой вверх, лицо жёлтое, прискорбное.

Немцы, как увидели, — сейчас вон из избы! Ну и староста за ними же вслед. Никита из гроба спрашивает:

— Унесло? Ну давайте я буду вылезать.

Не могу вам передать, до чего это несуразно, когда человек из гроба вылезает! Но, однако, вылез Никита, ничего, и сразу с расстройством полный стакан в себя опрокинул:

— Эх, за советскую власть и чтоб немцам сгинуть и пропасть!

Только сказал — и вдруг опять стук! Поглядели мы на Никиту — нет, невозможно его назад в гроб пускать: нос у него закрашлся и душевное равновесие настолько пошатну-

лось, что он из гроба песню затянет либо немцев изругает. А стук всё сильней. Кинулся я отворять — будь что будет.

Вошёл в сени староста, но уже без немцев: значит, он всё ж таки нас заподозрил.

«Ах ты, — думаю, — неужели ж трём хорошим мужикам, мне четвёртому и, главное дело, пятому — лесному товарищу — погнать из-за одного Иуды?»

Схватил я берёзовое полено, размахнулся. А потом встали мы округ этого бывшего старосты: «Чего с ним делать?»

А Никита говорит: — Чего делать? Обыкновенно, в гроб класть. Теперь у нас настоящий упокойник.

Наутро немцы хватились своего старосты. Пошли по домам. А мы встречаем им гроб выносим. Они кричат:

— Шнель, шнель! Дескать, скорее тащите своего покойника, безо всяких церемоний...

Так-то вот мы и справили двадцать пятую годовщину.

Однако я думаю, что прошлогодний тост остаётся в силе и его на нынешний день можно предложить полностью:

— За советскую власть и чтоб немцам сгинуть и пропасть!

В. КАРБОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ СТРАНА В ПЕЙЗАЖАХ (Осень 1943 года)

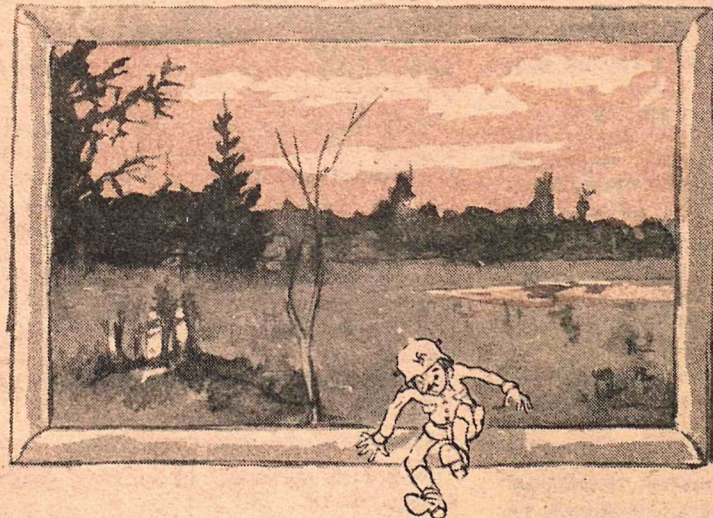
Рис. И. Семенова.

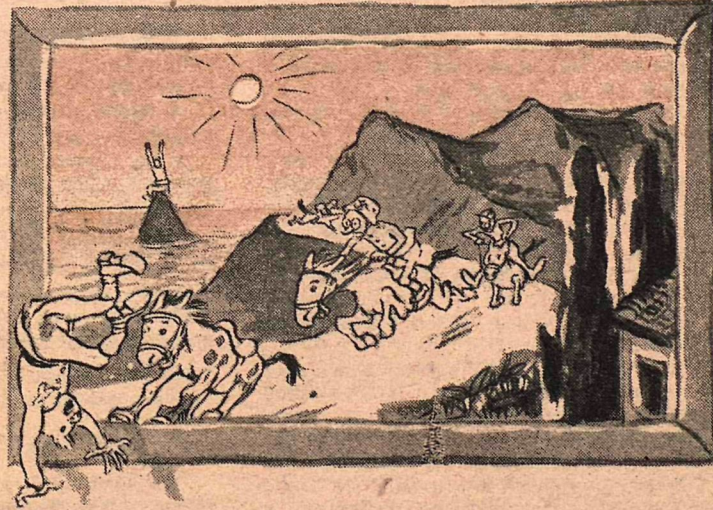
Русский пейзаж.

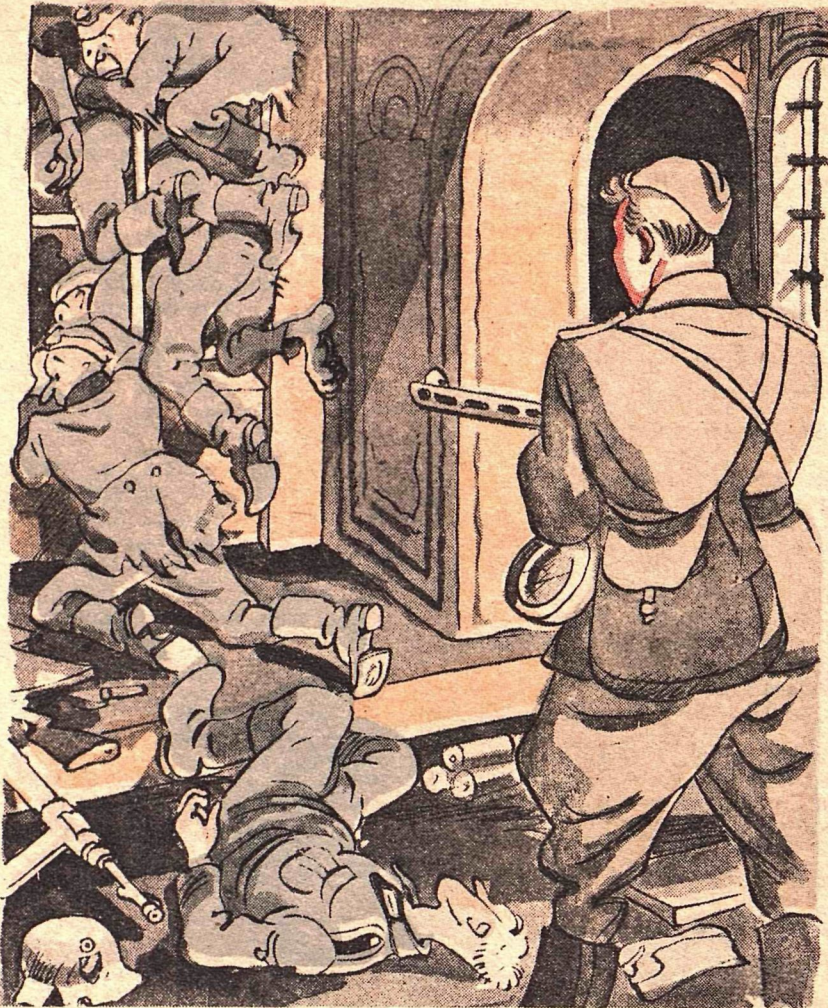
Украинский пейзаж.

Белорусский пейзаж.

Крымский пейзаж.

«... Испуганные души бросились, кто как попало — в окна и двери, чтобы поскорее вылететь; но не тут то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах». («Вий»)

«...Он бачь, яка така намалёвана!»

(«Ночь перед Рождеством».)

Егор Иванович и Гераклит

ДО ВОЙНЫ в этом маленьком зелёном городке, затерянном среди сказочно дремучих лесов, люди жили тихо сытно и неторопливо.

Все всё знали друг про друга. Жителям известны были увлечения, страстишки и привычки каждого более или менее заметного человека.

Вот, например, Егор Иванович Чумаков, директор городской бани, — про него известно было, что он на старости лет увлёкся философией, стал читать сочинения мыслителей древности и раскритиковал всех великих греков — от Гераклита до Аристотеля включительно.

— Не по существу писали древние греки! — говорил Егор Иванович. — На сегодняшний день их мысли суть мираж и фантазия!

Что касается председателя городского совета товарища Ладушкина, то он был хил и слаб здоровьем, но отличался строгостью и резкостью в словах и поступках.

Хозяйственников он вызывал к себе главным образом для разноса и внушения.

Когда он стучал пальцем по столу и говорил, глядя прямо в глаза распекаемому: «Смотри, брат, придётся поставить о тебе вопрос!» — распекаемый невольно ёрзал на стуле и ёжился.

Егору Ивановичу влетало от Ладушкина чаще чем другим. Такое уж это предприятие — баня: всегда есть к чему придаться, на что пожаловаться.

Однако Егор Иванович относился к этим разносам с истинно философским равнодушием и на угрозы строгого Ладушкина «поставить вопрос» неизменно отвечал:

— Ставь, товарищ Ладушкин, ставь! Снимай меня! Только не думай, что в бане от этого чего переменится. Я, брат, не Гераклит, у меня другая точка: всё течет, но не всё, понимаешь, меняется!

...Огненное дыхание войны опалило маленький зелёный городок. Он был занят немцами и до дна испил чашу страданий.

Городской актив — коммунисты и беспартийные — почти целиком ушёл в леса, в партизаны.

Егор Иванович и Ладушкин оказались в одном партизанском отряде.

Могучий, крижистый директор бани стал отважным и дерзким минёром-подрывником, а болезненного председателя горсовета пришлось назначить на должность кашевара.

Они подружились.

Когда партизаны возвращались в лесную землянку с очередной опасной операции, Ладушкин выходил к ним навстречу и ещё издали кричал:

— Егор Иванович, живой?!

Чумаков отвечал ему из чащи глухим протодиаконским басом:

— Мыслью, — следовательно, существую, как сказал Декарт!

А за ужином, хлебная жидкую, пахнущую дымком кашу, шутил, подмигивая товарищам:

— Чего-то каша сегодня... не таё! Подкачал наш кашевар! Смотри, Ладушкин, придётся поставить о тебе вопрос!

И все смеялись этой шутке.

Настало лето 1943 года — великое лето освобождения русской земли от немца.

Красная Армия заняла маленький тихий городок, затерявшийся в сказочно дремучих лесах.

Отступая, немцы сожгли его почти целиком.

Партизаны вернулись в родной обугленный город. Радость возвращения мешалась в их сердцах с едкой горечью скорби.

Однако скорбеть было им некогда: надо

было браться за дело — возрождать жизнь на пепелище.

Егору Ивановичу поручили восстановить коммунальные учреждения.

Но Егор Иванович «не уложился» в назначенный ему срок.

Тогда его вызвали к Ладушкину. Председатель горсовета сидел в полуразрушенном подвале почты на табуретке за некрашеным кухонным столом.

Как только Чумаков вошёл к нему, Ладушкин сразу же стал строго кричать на него:

— Безобразие, Чумаков! Срываешь сроки!

— Да ты не кричи, Ладушкин, — оторопело ответил Егор Иванович, — у меня же объективная причина.

— Никаких объективных причин! И смотри у меня, Чумаков! Как бы не пришлось поставить о тебе вопрос!

Егор Иванович посмотрел на непреклонно суровое лицо Ладушкина, на его худой палец, которым он барабанил по столу, и сказал:

— Не кричи. Всё будет в порядке! — и, вздохнув, прибавил: — Вот и выходит, что прав я, а не Гераклит. Все течёт, но не всё, понимаешь, меняется. Как стучал ты на меня пальцем, так и опять стучишь!

— Давай, давай, действуй! — проворчал Ладушкин, хотел сказать ещё что-то так же строго и сердито, но не выдержал и рассмеялся.

Егор Иванович тоже ухмыльнулся и сказал:

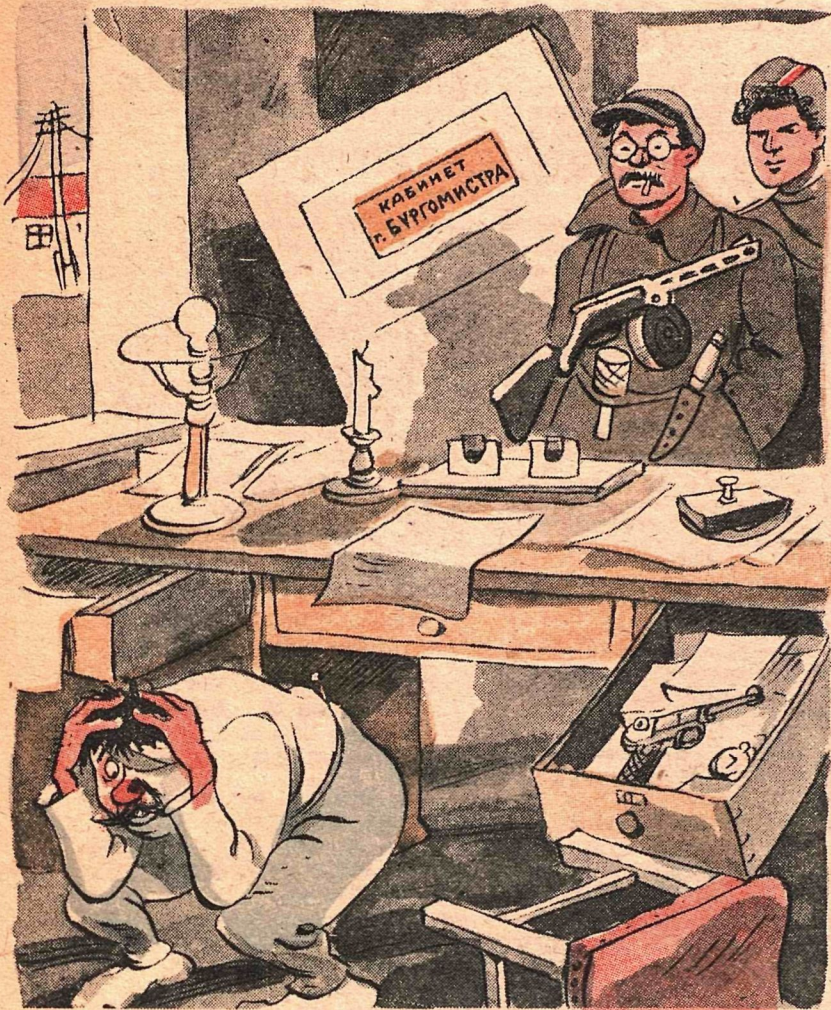
— Всё на прежнюю, но прочную точку вернулось. Факт!

И пошёл работать.

Леонид ЛЕНЧ.

От Харькова до Полтавы Фриц «отходил» на заранее заготовленные позиции...

«...У кривого головы вдруг рассыпались клёпки».

(«Майская ночь»).

«...И когда придёт час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, боже, на самую высокую гору, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал...»

Записки Эрко Отощайнена

С НОВОСЕЛЬЕМ

ПОСЛЕ долгих приключений я снова в Хельсинки.

Очутившись в родном городе, я прежде всего пошёл навестить тётю Хильду. Прихожу к ней на квартиру—тёти Хильды нет. Ну, ладно, думаю, зайду к дяде Отто, но дядя тоже не обнаружил. К вечеру я добрался до квартиры бабушки Ирмы, но её на месте не оказалось.

Вот, думаю, неудача. Придётся разыскивать своих родственников через справочное бюро. Подошёл к будке, спрашиваю:

— Скажите, барышня: как мне узнать адреса родственников?

Не успел я закончить вопроса, как из окошка выглянуло лицо, на котором следы берлинского происхождения конкурировали со следами потребления финляндской спиртной продукции.

— Вы ошиблись,— сказала лицо,— об адресах проживающих финнов надо узнавать не в справочном бюро, а в похоронном.

В похоронном бюро мне быстро дали нужную справку. К вечеру я уже мог оптом поздравить с новосельем тётю Хильду, дядю Отто и бабушку Ирму. Всех родственников я на этот раз разыскал быстро. Им, видимо, надоело жить вдалеке друг от друга, и вот с помощью немецких посредников они очень удачно и быстро поменяли три комнаты в разных районах на одну уютную площадь в центре кладбища.

ПИРОЖНОЕ С КРЕМОМ

МОЙ старый приятель Микко, оправившись после тяжёлого ранения, наднях снова должен ехать на фронт. Узнав об этом, Микко обратился к докторам:

— Какой же из меня солдат, если одной ноги я не имею совсем, а другая ещё не зажила как следует?

— Не будем мелочными,— ответил доктор,— сейчас не время считаться с пустяками. Поди-ка важность! Одной ногой больше, одной меньше. Наоборот, по сравнению с другими, на вашей стороне огромное преимущество. Люди, уходя на фронт, рискуют двумя ногами, а вам почти и рисковать нечем.

Когда мне рассказали эту историю, я решил повидать приятеля. Зайду-ка, думаю, в булочную, куплю для Микко чего-нибудь вкусного.

— Мне бы свежих булочек,— сказал я продавцу.

— За булочками только что уехали на лесопилку,— ответил продавец.— Зато есть ситный. Имеется витой— ольховый, еловый с шишками и берёзовый с фанерным маком.

— Отпилите два килограмма.

Затем я зашёл в кондитерскую и спросил пирожных.

— Пожалуйста,— сказала продавщица,— пирожных у нас сколько угодно. Рекомендую сосисный бисквит и еловые коржики в колотом виде.

Нагруженный кондитерскими товарами, я вошёл в квартиру приятеля. Желая обнять Микко, я по неосторожности уронил пирожное и ситный на его ещё не успевшую как следует зажить единственную ногу.

Я ожидал слёз, ругани. Но всё произошло наоборот. Микко обнял меня:

— Спасибо, Эрко! Теперь из-за этого ушиба меня снова положат в госпиталь.

МАЛЕНЬКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

НУ, КАК живёте, Отощайнен?— спрашивают меня знакомые.

— Ничего,— отвечаю я,— жаловаться нельзя.

Услышав такой ответ, все удивлённо оглядывают меня. И только один человек поступил иначе. Это был представитель правительствен-

ной комиссии по надзору за моральным состоянием финского населения. Он взял меня под руку и, собрав прохожих, громко сказал:

— Смотрите и радуйтесь! Перед вами настоящий финский патриот! Он доволен своей жизнью!

— Простите,— вежливо ответил я.— Кто вам сказал, что я доволен жизнью?

— Вы сами на вопрос: «как живёте» ответили «нельзя жаловаться».

— Я действительно сказал «нельзя жаловаться» и я на этом настаиваю. Попробуй, пожалуйся...

Инспектор побежал звать полицию, а я, воспользовавшись замешательством, выскользнул и через несколько минут был у себя дома.

Перевёл с финского
М. ЛЕВИТИН

Действующая армия.

ПОДАРКИ

Страну захватить до Урала
Когда-то нам враг угрожал,
Но бурей огня и металла
Пошёл в наступленье Урал.

Огнём артиллерии косит
Захватчиков фронт-богатырь,
А к пушкам снаряды подносят
Урал, Казахстан и Сибирь.

В литейной и в кузнице жаркой,
У тысяч станков слесаря
Готовят стальные подарки
К торжественным дням Октября.

С. МАРШАК

«От Полтавы до Кременчуга фриц «отрывался от противника»...»

СОЛОВЕЙ

(ШУТОЧНАЯ ПЕСНЯ)

Это что ж за пересуды —
Ай-я-я-я!
Говорят, что ходит Таня
Слушать соловья.

Говорят, сидит весь вечер
Таня над рекой:
Соловей, видать, попался
Уй-ю-ю какой!

Говорят, поёт он песни
Только для неё,
И у Тани сердце тает —
Ой-ё-ё-ё-ё!

А ещё и по секрету
Говорят о ней:
Будто носит он погоны,
Этот соловей...

Что за люди здесь такие,
Что за сторона!
Соловья нельзя послушать —
Вот тебе и на!

А услышишь ненароком
Нё беду свою,
Наплетут таких плетёнок —
Уй-ю-ю-ю-ю!

Про какие-то погоны
Врут на целый свет,
Будто знают в самом деле,
Есть они или нет;

Будто можно их заметить
В темноте ночной...
Это что же здесь за люди —
Ой-ё-ё-ё-ёй!

М. ИСАКОВСКИЙ

КОРОТКАЯ ОЧЕРЕДЬ

НИ РАНЕННЫХ, НИ УБИТЫХ

— Юбер-лейтенант Земмер, доложите о количестве убитых и раненых.

— Господин майор, имею честь доложить, что в моей роте всё в порядке. Когда русские догнали нас, они всех живьём забрали. Так что ни убитых, ни раненых нет.

— Как же вы оказались здесь?
— Как и всегда, господин майор, я был впереди своей роты.

Старший лейтенант /
Ш. ЛАТЫПОВ

ВЫСЛУЖИЛСЯ

К немецкому коменданту явился венгерский журналист и попросил показать ему настоящего русского партизана.

Комендант сообщил об этом начальнику жандармерии. Жандарм, желая похвастать своими успехами перед дружественной прессой, решил подсунуть венгерцу своего агента. Он вызвал к себе одного предателя из местных жителей, соответствующим образом обмундировал его и наказал именовать себя начальником партизанского отряда, якобы разгромленного местной жандармерией.

Венгерец остался очень доволен ответами «партизана» и, расчувствовавшись, изъявил скромное желание:

— Нельзя ли, — сказал он коменданту, — повесить этого партизана в моём присутствии, дабы я мог этот момент запечатлеть на плёнке и снимок напечатать в нашей газете.

Комендант решил быть любезным до конца и приказал повесить «партизана». Несмотря на его вопли и крики он тут же был повешен.

Старший сержант
Вл. ПОКРОВСКИЙ

ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Украинские партизаны убили немецкого коменданта Коростышевского района Фогта.

Прикатив на Украину, Фогт селян к себе призвал.
— Буду вам отцом отныне, — Немец вкрадчиво сказал.
У селян — их пули метки — Не гулять «папаше» впредь: Потому — решили «детки» Поскорей осиротеть.

Красноармеец
С. МИРМАН

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

— Как мне защитить свою голову, Карл, чтоб русские её не выдернули?

— Очень просто: поднять руки выше головы.

Ефрейтор
И. ЛЕБЕДЕВ

ОДНАЖДЫ В ГОРЯЧУЮ ОСЕННЮЮ ПОРУ

(Почти по Некрасову)

— Что нового слышно?
— Ступай себе мимо...
— Уж больно ты нервный, как я погляжу.

Откуда везёшь?
— Из-под Рудни, вестимо...
Там русские рубят, а я отвожу

Рисунок и текст старшего сержанта **А. СЕРЕДЫ**

УТЕШИЛ

— Ох, Фридрих, мне приснился кошмарный сон: будто я вернулся домой и вижу, что какой-то грязный румын любезничает с моей Гретхен.

— Ганс, этого быть не может. Не верь снам: домой ты никогда не вернёшься.

Лейтенант
И. ВИНГРАДОВ

РАБОТНИКИ ТЫЛА

Рис. К. Елтеева

— Вас за что наградили?
— За работу в тылу — украинский партизан. А вас за что?
— Тоже за работу в тылу — уральский мастер.

От Кременчуга и т. д. и т. д. Фриц «победоносно отступает».

(Продолжение следует)

Рис. Ю. Ганфа

Текст Мих. Зощенко

В ПОРТФЕЛЕ убитого под Киевом немецкого обер-лейтенанта найден обрывок одной берлинской газеты, где напечатана нижеследующая статья, озаглавленная «Молчать и ещё раз молчать!»

Вот эта статья:

«Много воды утекло за этот год!

Сначала утекла от немцев Волга. А затем пошло и пошло. Дон, Кубань, Северный Донец, Миус, Кальмиус, Десна, Сож. А сейчас и Днепр уплывает от нас.

Днепр, между прочим, имеет два берега, и притом оба разных: один — правый, другой — левый.

Вот уже около двух месяцев, как нам, немцам, левый берег перестал нравиться. Фюрер приказал войскам крепко держаться за правый берег и форсировать строительство оборонительных укреплений.

Но пока мы пытались форсировать строительство, русские форсировали Днепр. Тем самым они добились того, что правый берег стал похож на левый и потерял для нас своё очарование.

В связи с этим (а также в связи со многим другим) русская пропаганда распространяет слух, что мы отступаем. Мы должны самым эластическим образом опровергнуть это измышление. Нет, не все наши части отступают: многие продолжают прочно удерживать свои рубежи, глубоко и основательно зарывшись в землю, о чём свидетельствует разросшаяся площадь жизненного пространства под немецкими кладбищами на Украине и в Белоруссии.

Наши враги утверждают, что среди населения Германии усиливается недовольство. Министр внутренних дел герр Гиммлер приказал нам решительно заявить, что это не соответствует действительности. Немцы стойко переносят все радости, даруемые им фюрером. А с теми немцами, которые ворчат и жалуются, мы поговорим особо, доказавшим самым убийственными аргументами, что жизнь человека более коротка, чем они предполагают.

Так же неверны утверждения зарубежной печати о том, что у многих немцев душа елдержится в теле. Гестапо произвело тщательное обследование немецких пятки и нашло, что душа держится там очень прочно. Что же касается тех наших соотечественников, которые будут заподозрены в том, что у них на душе скребут кошки, то о таких преступных элементах скажем коротко: душа из них вон!

Население Германии знает, что фюрер сейчас сильно занят всякими сокращениями: он сокращает линию фронта, ещё более успешно сокращает численность германского населения. Чтобы фюрер имел возможность сосредоточиться в этой своей плодотворной работе, рекомендуется впредь свои восторги по его адресу выражать молча. Те же немцы, которые осмелятся высказывать вслух своё неверие в победу, будут заключены в концлагерь за разглашение военной тайны.

В общем, как видите, всё идёт прекрасно — на уровне того бомбоубежища, в котором пишутся эти пламенные строки.

На полях этой статьи карандашом было написано: «Кап...» Опрошенный нами друг покойного обер-лейтенанта, военнопленный фон Дикгоф, показал: видимо, обер-лейтенант хотел написать самое популярное сейчас немецкое слово, но пуля русского стрелка помешала ему дописать две буквы — «ут».

Г. РЫКЛИН

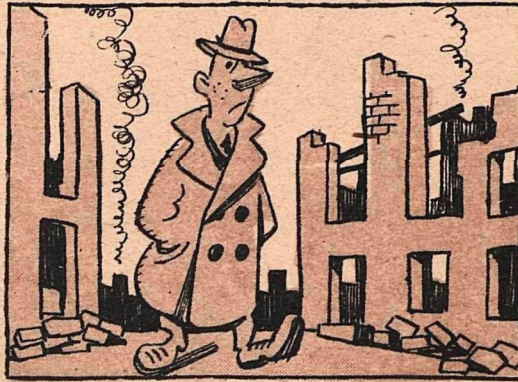
ПИР НА ВЕСЬ МИР

У фрау Минны — именины
И к обеду — пять цыплят!!!
...Бродит кошка по Берлину
Ищет пять своих котят!

Сколько было криков, воплей: «Новый порядок в Европе!», «Завоеем к чорту весь мир!», «Только мы господа, а остальные — слабосильные нации, рабы, ошметки, рвань!»

И вот горделивые крики смолкли. Нарвались господа. Вспухла морда от ударов. Настроение испортилось. Поникла тёмная душа. Иные крики и вопли раздаются. Теперь немецкие газеты наполнены такими словами: «Поменьше думайте...», «Не рассуждайте...», «Совсем не думайте...»

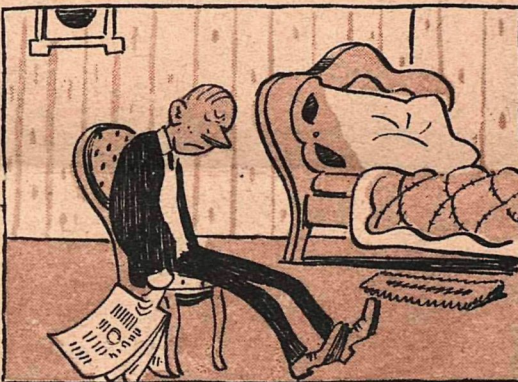
Конечно, думать бесполезно: от мысли тревога усиливается, душа дрожит, колени подгибаются. Но как это сделать, чтобы не думать? Как, чорт возьми, сделать, чтобы мысли не проникали в голову? Есть выход:

Можно! пойти погулять. Прогулки, как известно, рассеивают печальные мысли. Прочем, зрелище развалин, пожалуй, ухудшит дело. Мысли ещё больше почернеют. Нет, нельзя гулять!

Пожалуй, лучше поухаживать за девушкой, объяснить ей в любви, сделать предложение. Нет, тоже не годится. Сделав предложение, немец непременно подумает: «Ах, она останется моей вдовой!»

Тогда, я извиняюсь, можно почитать газетку... Хотя нет, это не годится. В газете сказано: «Не думайте». Это всё равно, что сказать: «Не думайте о белом слоне». Вот тогда человек и начинает думать о слонах.

Ну, тогда ложитесь спать. К спящему человеку мысли не приходят. Хотя сны... Да, спать, пожалуй, тоже не годится. Кошмары будут мучить. Ещё более тягостное настроение возникает. Нет, опять нельзя!

Тогда, чорт возьми, отвлекайтесь едой с музыкальной. Обедать... А музыка пущай играет. Это отвлекает... Хотя, впрочем, скудная еда вряд ли освободит от чёрных мыслей. Нет, кушать тоже не годится!

Тогда остаётся одно — отрезать голову. Отрезанная голова, согласно научным данным, никаких мыслей не даёт. Человек перестаёт думать. И этим, так сказать, дословно выполнит предписание начальства. Так и сделайте. Нам не жалко. Наоборот!

24

2526

ПО СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ
(1812 — 1943)

№	Лет	Ин.
		лет
В 2		

Рис. Л. Бродаты.

В двенадцать часов по ночам из гроба встаёт барабанщик...

22/45